

ФРАЗЕОЛОГИЗМ С КОМПОНЕНТОМ-БИБЛЕИЗМОМ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ (на материале русского и испанского языков)

Фразеологическая единица (ФЕ) – яркое, ёмкое, образное явление языка. Однако именно в определенном контексте такие явления могут приобретать новые краски и оттенки смысла, открывать в своем образе новые грани. Л. Руис пишет по этому поводу, что «*la locución tiene un carácter irregular, no reproduce un esquema existente en la lengua*» (Ruiz 2002: 7), А.М. Мелерович и Е.В. Блинова справедливо замечают, что использование ФЕ в определенном контексте, ее восприятие и осмысление очень часто сопровождается интуитивным, непроизвольным анализом составляющих семантических компонентов, а собственно для «художественной речи характерно использование ФЕ как особых аналитико-синтезирующих образных конструкций» (Мелерович, Блинова 2007: 117).

Двусторонняя сущность такого анализа связана еще и с прагматическими аспектами, ведь используя саму ФЕ или языковую игру на ее основе, автор опирается не только на свои собственные лингвистические и фоновые знания, но и предполагает верную расшифровку кода читателем, т.е. существование определенных отношений, общих ссылок: «*Reference is not simply a relationship between the meaning of a word or phrase and an object or person in the world. It is a social act, in which the speaker assumes that the word or phrase chosen to identify an object or person will be interpreted as the speaker intended*» (Yule 1996: 22). Чаще всего проблемы «несостыковки» знаний и опыта проявляются при переводе художественных произведений, где создание образов, особого мира напрямую связано с языком и стилем автора. Прагматическая дихотомия «автор – читатель» в данном случае не реализуется полностью, т. к. приобретает третьего члена – посредника, и получается уже несколько другое соотношение «автор – переводчик – читатель», что при недостаточной адекватности текста перевода тексту оригинала способно привести не только к недопониманию, но и к созданию другого, параллельного произведению мира, а значит, и другого произведения с общими именами героев и фабулой, но с различными образами. Фразеологический образ – это явление сложное и многослойное в каждом языке, центр и сгусток культурной информации, которую несет сама единица. М. Прьето, рассматривая культурную значимость фразеологизмов, замечает, что «*los modismos no son sólo hechos lingüísticos sino también culturales <...> las evocaciones de una palabra en un idioma dependen de la cosa y no de la palabra porque se producen en una comunidad y no en una lengua; es decir que los modismos son, en nuestro caso, los españoles, no sólo del español y ahí radica su éxito*» (Prieto 2006: 7).

Фразеологизмы с компонентом-библеизмом представляют собой особый интересный пласт во многих языках мира. Единицы этого типа, как правило, не заимствовались одним языком из другого: в каждом языке происходил отбор из одного общего источника – из Библии. Однако важно учитывать особенности этого текста, не следует забывать, что это религиозный текст, основной чертой которого является способность к символическому переосмыслению. В целом библейская символика интернациональна, прежде всего это имя-символ, вокруг которого вырастает фразеологическая единица, формируются межъязыковые параллели. Однако у одного и того же библейского имени в разных языках спектр коннотаций и сопутствующих значений может отличаться или вообще отсутствовать, что ведет к различиям и в значении самой единицы. Рассмотрим подробнее группы фразеологизмов с компонентом-библеизмом.

Первая группа: библеизм-имя собственное, формирующее параллель. Прежде всего здесь важно отметить тот факт, что само имя собственное является символом и существует в

языке с закрепленным за ним багажом и характеристиками образа. Например, такое имя как *Иуда* в русском языке имеет два значения 1) *презр.* ‘о предателе’; 2) ‘об очень жадном человеке’. В испанском *Judas* – ‘*hombre alevoso, traidor*’ (букв. коварный человек, предатель). Таким образом, помимо предательства в русской культуре немаловажным признается и крайняя жадность, отсюда еще и наличие фразеологизмов, основанных именно на этом качестве: *продать (как Иуда Христа) за 30 сребреников, жадный как Иуда, продажный как Иуда*. В обоих рассматриваемых языках существует фразеологическая единица *поцелуй Иуды* – *beso de Judas* со значением ‘предательский поступок, лицемерно прикрываемый проявлением любви, дружбы’. В словаре арго появляется особое значение у слова *Judas*, основанное на его символическом переосмыслении – ‘*mirilla de la celda o circuito de control por televisión manejado por los funcionarios para vigilar a los presos*’ (букв. глазок в камере или телевизионная система контроля, управляемая служителями с целью наблюдения за заключенными). Данное значение задокументировано, однако считается, что подобное метафорическое название может носить любое средство, инструмент, с помощью которого можно донести на преступника, что отражает переосмысление фигуры Апостола Иуды как предателя.

Имя Мафусаила, персонажа ветхозаветных преданий, прожившего 969 лет, закреплено в параллели *стар как Мафусаил* – *ser más viejo que Matusalén* (букв. быть старше Мафусаила) со значением ‘долгожитель’. В испанском языке зарегистрирована единица молодежного сленга *matusa*, которая является производной от имени *Matusalén* и используется как имя-нарицательное по отношению к старому человеку.

Имя царя Соломона формирует полную фразеологическую параллель: 1) само по себе как ёмкий символ, который называет человека мудрого; 2) в составе фразеологизма *соломоново решение* – *decisión salomónica* со значением ‘мудрое, хотя на первый взгляд и парадоксальное решение сложного вопроса’; однако незакрепленное в русской традиции понятие *соломонова печать* в испанском – *sello de Salomón* ‘цветок фиалки’, что демонстрирует расхождение спектра коннотаций данного имени.

Таким образом развиваются значения не только антропонимов, но и топонимов – имен-собственных, называющих местность. Например, в обоих языках символическое значение приобрел топоним *Голгофа* – *Gólgota* ‘место мучений, страданий’.

Интересно сформировались в разных языках символические переосмысления имени Адам. В русском языке компаратив *как Адам* обычно сопровождается прилагательными *голый, нагой* и т. п., что восходит к библейским сказаниям об Адаме и Еве, которые, живя в раю, были наги и не стыдились своей обнаженности, пока, соблазненные змеем-искусителем, не отведали запретный плод с дерева познания добра и зла. В испанском языке тоже существуют компаративные конструкции подобного типа, основанные на переосмыслении данной библейской легенды *como un adán, hecho un adán* ‘un hombre desordenado, descuidado’ (букв. как адам, сделанный адамом ‘оборванец, неряха’). Как видно из приведенных переводов, переосмысление первочеловека и его наготы в испанской лингвокультуре произошло совсем по другому пути. Нагота сменила вектор и стала восприниматься не как открытость и начало всего, а как неорганизованность, неряшливость, иногда лень. Помимо данного компаративного значения в словаре испанского арго слово *Adán* имеет и другой смысл ‘*droga, tipo de éxtasis, sintético, de bajo coste*’ (наркотик, вид экстази, синтетический, дешевый), что также может найти свою символическую интерпретацию, ведь этот наркотик один из первых видов дешевой разновидности синтетических наркотиков.

Вторая группа: библеизм-имя собственное, не формирующее параллель. Естественно, что наряду с параллельным восприятием тех или иных библейских сюжетов и символизаций библейских имен в каждом языке существуют и уникальные ФЕ и символы, основанные на них. Несколько таких примеров можно найти и в исследуемых языках. Например, только в русском языке существует ФЕ *Содом и Гоморра* ‘о распущенности, а также крайнем

беспорядке, шуме, суматохе', возникшее на основе библейского мифа о городах в Древней Палестине, которые за грехи жителей были разрушены огненным дождем и землетрясением. Или еще: *Фома неверующий* 'о человеке, которого трудно заставить поверить чему-либо', из евангельской истории о том, как один из апостолов, Фома, когда ему рассказали о воскресении распятого Христа, заявил, что не поверит в это, пока не увидит сам. Только в испанском языке имя Иова, библейского персонажа, которого Бог подверг жесточайшим проверкам, чтобы испытать его веру, образует ФЕ *tener más paciencia que santo Job* 'ser muy paciente' (букв. иметь больше терпения, чем святой Иов – 'быть очень терпеливым'). Или еще: *el Santo Grial* 'lo más buscado' (букв. Священный Грааль – 'то, что больше всего ищут') символизирует то, что человек ищет долго и жаждет найти, не обязательно речь идет о чем-то материальном, это может быть история, идея, решение и т. п., что основано на библейском рассказе о священной чаше, из которой пили апостолы и Иисус во время Тайной вечери.

Третья группа: библеизм-имя собственное, формирующее ФЕ в каждом языке, но не формирующее параллель. Конечно, символизация библейского имени в основном большинстве универсальна с коннотативными особенностями, со стилистической спецификой и т. п. Однако можно привести примеры некоторого несовпадения полученных на основе такой символизации ФЕ в разных языках. Например, имя библейского персонажа Каина в русском языке фигурирует во фразеологизме *трястись как Каин* – 'очень сильно дрожать от страха', что отражает не собственно библейские, а народные представления о Каине как о трусе. В испанском словаре арго находим такую ФЕ: *pasar las de Caín* – 'pasarlo muy mal' (букв. испытывать то, что Каин – 'находиться в трудной (плохой) ситуации'), которая основана на том, что после убийства брата Каин, выгнанный отцом из дома, очень страдал и морально и физически. Хотя можно также встретить и компаратив *ser más malo que Caín* (букв. быть хуже Каина), который подчеркивает не его страдания, а порочную натуру, то, что привело к этому ужасающему поступку.

Имя Магдалины в русском языке явилось базой для появления иронического фразеологизма *кающаяся Магдалина* 'о том, кто жалостливо кается в своих поступках', основанного на евангельской истории о Марии Магдалине, которая была исцелена Иисусом, изгнавшим из нее бесов, и раскаялась в своей развратной жизни, став одной из его верных последовательниц. В испанском же языке компаратив *como una Magdalena, hecho una Magdalena* 'para referirse a una persona que llora intensamente' (букв. как Магдалина, сделанная Магдалиной – 'о том, кто очень сильно плачет') основан на другой евангельской ситуации, когда Мария Магдалина оплакивала Иисуса после снятия его с креста.

Имя Мария – *María* в испанском языке считается одним из самых распространенных в силу того, что оно используется очень часто как первое имя для девочки и как второе имя для обоих полов (*María Elena, Ana María, José María, etc.*), для него даже есть специальное сокращение, которое используется при написании – *M^a*. Такая частотность его употребления могла стать причиной достаточно негативной метафоризации этого имени в испанской лингвокультуре, в словаре арго находим «*es una voz despectiva, empleada para referirse a la mujer que realiza las labores propias del ama de casa, de hábitos tradicionales y poco modernos*» (8. С. 521) (букв. это презрительное слово по отношению к женщине, которая выполняет традиционную и несовременную работу домохозяйки). Кроме того, зафиксировано еще несколько интересных значений: у преступников – *caja fuerte pequeña* (маленький сейф), у студентов – *asignatura que se aprueba con facilidad y sin apenas relevancia* (маловажный предмет, который можно сдать с легкостью).

Интересно сформировались в разных языках фразеологические единицы, содержащие название древнего города Вавилон. По библейскому мифу, после потопа жители земли дошли до полного нравственного развращения и потери страха перед Богом, они стали строить в большом городе Вавилон башню высотой до неба. За свою гордыню они были наказаны смешением языков, перестали понимать друг друга и не могли дальше продолжать

работу. В современном русском языке существует несколько единиц, основанных на этом мифе: 1) *новый Вавилон* ‘о гигантском, многолюдном индустриальном городе’; 2) *вавилонская башня* ‘об очень высоком здании, строении’; 3) *вавилонское столпотворение* – ‘беспорядочная толпа людей, суматоха, неразбериха’. Испанское *torre de Babel* двузначно: 1) ‘неразбериха, беспорядок’; 2) ‘место, где говорят все сразу, не понимая и не слыша друг друга’. Таким образом, библейский топоним стал основой формирования различных единиц и значений в разных языках, но суть его, однако, подчеркивается в каждом из них.

Итак, тот факт, что фразеологизмы с компонентом-библеизмом являются заимствованиями из одного источника, не лишает их национально-культурной специфики и самобытности, поскольку в каждом языке они приобретают особые коннотативные смыслы, часто являющиеся отражением исторического, духовного и нравственного пути становления и развития данного сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мелерович А.М. Психолингвистический механизм спонтанного семантического анализа фразеологизмов и его реализация в художественной речи // Вестник Костромского гос. ун-та, 2007. № 2. С. 117–124.
2. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / под ред. В.М. Мокиенко. М., 2005.
3. Diccionario Fraseológico Documentado del Español Actual. Madrid, 2004.
4. Prieto M. Hablando en plata (de modismos y metáforas culturales). Madrid, 2006.
5. Ruiz L. Ejercicios de fraseología. Madrid, 2002.
6. Yule G. Pragmatics. Oxford, 1996.